

СОНЕТЫ

Мы жаждем приращения щедрот,
Для лучших роз – бессмертной красоты,
Но все, что расцветает, отомрет,
Потомству завещав свои черты.
А ты своих питаешь пламя глаз,
Как топливом, субстанцией своей.
Лишь голод оставляя про запас,
Ты сам свой враг, нет недруга верней.
Ты нынче мира трепетный убор,
Глашатай весен, бьющих через край;
Но что внутри бутона? Приговор,
Твое банкротство, нежный скупердай!
Жаль дней твоих: не дай им зря упасть
В твой алчный зев, как в земляную пасть.

From fairest creatures we desire increase,
That thereby beauty's rose might never die,
But as the riper should by time decease,
His tender heir might bear his memory:
But thou, contracted to thine own bright eyes,
Feed'st thy light's flame with self-substantial fuel,
Making a famine where abundance lies,
Thyself thy foe, to thy sweet self too cruel.
Thou that art now the world's fresh ornament
And only herald to the gaudy spring,
Within thine own bud buriest thy content,
And, tender churl, mak'st waste in niggarding:
Pity the world, or else this glutton be,
To eat the world's due, by the grave and thee.

Когда твой лоб, что был в осаду взят,
Траншеями изроют сорок зим,
А горделивой юности наряд
Вдруг обернется саваном худым,
Тогда-то на вопрос, где ныне скрыт
Клад милостей, дарованных судьбой,
Скажи: в провалах глаз моих, где стыд
С безудержной смешался похвальбой.
Куда похвальней был бы твой ответ,
Распорядись добром своим верней:
Вот милый сын – итог сочных лет
И оправданье старости моей.
В крови почуяв холод, ты бы мог
Вновь ощутить свой теплый кровоток.

When forty winters shall besiege thy brow,
And dig deep trenches in thy beauty's field,
Thy youth's proud livery so gazed on now
Will be a tottered weed of small worth held:
Then being asked where all thy beauty lies,
Where all the treasure of thy lusty days,
To say within thine own deep-sunken eyes
Were an all-eating shame, and thriftless praise.
How much more praise deserved thy beauty's use,
If thou couldst answer, 'This fair child of mine
Shall sum my count, and make my old excuse',
Proving his beauty by succession thine.
 This were to be new made when thou art old,
 And see thy blood warm when thou feel'st it cold.

Тянь в зеркало: обличью, что увидишь,
Скажи, что воссоздать его изволишь,
Не то подвохом естество обидишь
И чье-то материнство обездолишь.
Чиста ли та, глухая чья утроба
Страду отвергнет плуга твоего?
Кто, себялюбец, в гроб сойдет до гроба,
Тщась отворотить потомков торжество?
Для матери ты зеркало; она
В нем вызовет, морщинам вопреки,
Свою весну; ты из того ж окна
В свой срок окликнешь лучшие деньки.
Нет зеркала? – так тешься сам собой:
Умрешь, и смерть изгладит образ твой.

